

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

ЧИСЛО БУКВ

Кто мы, зачем мы, что нужно нам?

ЭССЕ

Переходная эпоха всегда переживается как кризис. Рушится привычное, страшит неизвестное, новое. Прохождение любого кризиса, степень его остроты и опасности, перспективы выхода из него – по большому счёту, всё это зависит от состояния общества, глубины культуры, степени её распространённости и скорости реагирования на поступающие вызовы.

Сегодня на наших глазах разворачивается цивилизационный кризис, битва между буквой и цифрой, образом и числом, человеком и зверем – зверем не в биологическом, разумеется, понимании, а в духовном. Впрочем, если посмотреть на историю, битва за человеческое не прекращалась никогда. Возможно, это просто такой объективный способ выковать прочную и сильную человеческую сущность.

Однако новое всегда приходит в жизнь агрессивно, ибо его энергию культура ещё не усмирила и не направила человеку во благо. Вопрос только в том, какими его встречаем мы.

Оглушённые профессионально подготовленной информационной “пандемией”, замороженные мнимым удобством цифровых технологий, раскиданные по онлайнам, как по полусасыпанным окопам, мы слишком медленно понимаем, что происходит вокруг. Но нужно помнить, что суть перемен зависит не столько от тех, кто их активно лоббирует и реализует, а в гораздо большей степени от нас самих.

Фрагментированная средствами массовой информации реальность не даёт нам возможности представлять себе цельную картину происходящего, а навыки

ЯГОДИНЦЕВА Нина Александровна родилась 29 января 1962 года в Магнитогорске. Выпускница Литературного института имени М. Горького. Кандидат культурологии, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры. Автор более 30 изданий: более десятка поэтических книг, курса лекций “Поэтика: модели образного мышления” и учебника точной речи “Поэтика: двенадцать тайн”, монографий, изданных в России и Германии, а также более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США. Лауреат многих литературных премий, в том числе имени П. Бажова (2001), имени К. Нефедьева (2002), имени Д. Мамина-Сибиряка (2008). Член Союза писателей России с 1994 года. Живёт в Челябинске.

“сборки” цельного представления из мелькающих фрагментов по вполне понятным причинам не входит в число навыков, насущно необходимых современному человеку.

Между тем жизнь изначально устроена так, что у каждого из нас, вне зависимости от образования и опыта, есть возможность понять это устройство в доступной степени сложности, ведь основания жизни остаются общими для всех, передаются из поколения в поколение самыми различными способами – от бытового уклада до искусства и науки. Просто надо уметь собирать её в единое целое.

Логика развития человечества на протяжении веков была вполне определённой: очень небольшая пассионарная его часть (порядка десяти процентов, согласно кривой Гаусса) нащупывала возможные пути развития, направления движения человечества, а остальная часть, гораздо большая (порядка восьмидесяти процентов), так называемое Великое Среднее, разумно консервативная, довольно осторожно оценивала перспективы и выбирала наиболее безопасные варианты движения дальше.

Цивилизационный выбор никогда не был простым, и при этом в приоритете по отношению к новым возможностям всегда оставался инстинкт коллективного самосохранения. В то же время лучшие представители Великого Среднего, руководимые тем же самым инстинктом самосохранения, всегда поддерживали пассионариев, обеспечивая саму возможность поиска...

Но происходящее сегодня явно не укладывается в предыдущую модель медленного, осторожного исторического движения. И тому, кроме причин непостижимых, могущих естественно находиться выше нашего понимания, есть причины вполне очевидные.

Великое Среднее всегда было укоренено на земле, в национальной (по преимуществу прикладной, то есть элементарно проверяемой большинством в практике) культуре, имело в качестве опоры опыт, сконцентрированный в традициях и нравственных основаниях своего бытия. Традиция и опыт давали ему полное право быть консервативным и выбирать наиболее безопасные варианты дальнейшего развития – хотя и они неизбежно были сопряжены с утратами и жертвами, но не фатальными, не гибельными для большинства или для всех.

Сами понятия нравственного и безнравственного сформировались в том числе и на основе именно практического опыта распознавания жизнеспособного и нежизнеспособного поведения, различения выбора, который обеспечивает долговременное устойчивое или кратковременное катастрофическое бытие. Разумеется, понятия о нравственности менялись со временем, но магистральный смысл – коллективное выживание – всегда оставался неизменным.

Но сегодня Великое Среднее, по сути, маргинализировано до предела. Сельский уклад разрушен, а жизнь в городах очень трудно назвать укоренённой. Хронология бытия сузилась от циклически-вечного до линейно-личного. Традиции утрачены, нравственные основы расшатаны. И, начиная с 1960-х, каждое новое поколение всё более и более отрывается от опыта и исторической памяти.

Произошла и ещё одна роковая перемена, или подмена, если быть более точными: эктропийное, собирающее и структурирующее, осмысливающее начало в человеке постепенно, с началом массового производства, было заменено на энтропийное – человек-потребитель всегда по сути носитель энтропии, усилитель её, и это печальная данность социальных, экологических, но прежде всего – психологических проблем.

И вот сейчас – прямо сейчас – жизнь торопливо перескакивает с буквы на цифру. Над Буквой стоял Дух, за Словом предощущался Бог – чьи черты проглядывают за цифрой? И слово-то в этом стремительном предпрятии или проекте оказалось не над, а уже под цифрой, поскольку все современные информационные кампании проходят согласно передовым технологиям нейrolингвистического программирования на неизбежность перемен и непрерывное воспевание возможностей искусственного интеллекта.

Предложен и даже частично реализуется проект трансгенного человечества (создание более совершенного существа, чем Божье творение – каков пафос!), но ведь это очевидно самоубийственно для самого человека. Этакий прогрессивный суицид при молчаливом согласии Великого Среднего...

Но вышесказанное – не безутешный “плач Ярославны”, а точка отсчёта, чтобы понять, почему мы срываемся из высокой и сложной словоцентричной, литературоцентричной культуры в цифровое варварство и что может и должна в этой ситуации делать литература.

Сегодня это практически маргинальное занятие. Литература обретается на социальной обочине, в третьесортном чине хобби, а на первый план спешат, толкаясь локтями в безразмерном пространстве интернета, блогеры, райтеры, сторителлеры и другие постилы. Их тексты разлетаются по сетям мгновенно и так же мгновенно забываются, а если ненадолго и удерживаются – только на волне скандала или трагедии, которая вполне себе технологично раскручивается.

И все они с удовольствием называют себя писателями... А неочевидная для обывателя подмена заключается лишь в том, что литература не столько изображает действительность или торопливо рассказывает о ней, сколько измеряет эту самую действительность с законом нравственным (напомним: законом коллективного выживания!) и оценивает мысли, поступки, конфликты и их решения именно с этой точки зрения.

Как стена возводится вертикально по отвесу, чтобы она не завалилась и не стала для строителей надгробием, так и литература выверяет вертикаль самосозидающей личности от бытового сиюминутного смысла до высшего, вечного. Эта ответственность литературы никуда не делась, наоборот – она приобретает значение первостепенное.

Новые технологии и их возможности завораживают, заставляют забыть – зачем, собственно, всё это придумано. Но если целью и смыслом становятся технологии, где оказывается в этом случае человек? Да, совершенно верно. На свалке истории. Потому что несовершенен (читай: слаб и непредсказуем). Потому что много потребляет. Потому что становится не нужен в качестве рабочей силы или иного средства извлечения прибыли. И ещё много разных “потому что” вплоть до патологического человеконенавистничества (помните тезис о человечестве как раковой опухоли на теле планеты?).

Итак, вместо пассионариев – разведчиков будущего – мы имеем группу (не берусь оценивать в процентах, но, видимо, Гаусс прав и здесь) людей, рвущихся к безграничной власти и готовых ради неё остановить историю (о чём уже было сказано прямым текстом). В их руках пакет новейших информационных, цифровых и генетических технологий, обеспечивающих массовую деградацию. А вместо консервативного и разумно осторожного Великого Среднего – дезориентированное, развращённое, легко программируемое и ловко управляемое массовое сознание.

Ситуация опасна, но ровно в той степени, до которой мы её упускаем. Когда об этом заходит разговор, обычно либо машут рукой: а, всё это конспирология, или говорят: ну сколько было подобных кризисов, как-то человечество же проходило через них, как-то переживало... Да, проходило – и прошло, но тот или иной результат никогда не бывает предопределён заранее. А про конспирологию говорить поздно – всё уже давно совершается в открытую. Поэтому возвращаемся к литературе.

Сама по себе это сфера решения нравственных задач и производства смыслов. Это деятельность общественно, государственно важная. Лукавый тезис о литературе как о средстве исключительно самовыражения – один из приёмов манипуляции сознанием, своеобразный способ отправки творца в “самоизоляцию” от вопросов, конфликтов и проблем общества. Этим приёмом всю литературу, как в нокаут, тридцать лет назад так и отправили в самотеку: пиши, чего твоя душа желает, только нам не мешай.

А между тем не однажды уже сказано, что литература – мощнейший коммуникатор, создающий основу для взаимопонимания, формирующий ментальную общность, дающий примеры позитивного или негативного нравственного выбора при решении конфликтов... Разумеется, это только часть функций литературы, но сейчас важно упомянуть именно о них. Потому что в конечном итоге выбор на цивилизационной развилке делают не пассионарии или те, кто волей судьбы оказался у власти.

Выбор – жизнеутверждающий или гибельный – делает Великое Среднее, так называемые “простые люди”, которые живут, трудятся, растят детей, не рвутся к власти, не гонятся за сверхприбылями – просто живут, воспроизводя и само человечество, и базовые смыслы его бытия на земле. Да не оби-

дятся те, кто к нему принадлежит, на определение “Среднее”, ибо слово “Великое” — не просто эпитет, а самый что ни на есть магистральный, спасительный смысл. Литература обращена, прежде всего, к этой срединной жизни, глубинной, воспроизводящей себя непрерывно и устойчиво. Став маргинальным, Великое Среднее перестаёт быть Великим — то есть самим собой.

Даже будучи отпавлена на обочину общественной жизни, литература, утратив и прямое, и опосредованное влияние на общество, сохранила свой главный опыт, свой нравственный потенциал. Попытки “самоизолировать” её в “самовыражение” потерпели крах — она прошла через эти препятствия не без потерь, но приобрела новый опыт и новое понимание самой себя. В литературу пришло новое поколение, и самые сильные его представители интуитивно подхватили традицию. Есть в этом мире какой-то неведомый нам регулятор: серьёзные проблемы приходят решать талантливые и сильные люди, сильные от природы, а обстоятельность эту силу ещё и закаляют. И такими сегодня можно назвать многих молодых писателей. Конечно, мы не можем знать, как сложится их судьба, насколько реализуется талант, но то, что мы видим, обнадеживает.

Вернёмся к литературе. Понятно, что всех проблем разрушенного массового образования Великого Среднего она не решит, но у неё другая цель и другой инструментарий: ведь обращается литература прежде к сердцу, а потом уже к уму, она, как сама жизнь: для простого понимания проста, для сложного — сложна, сколько можешь, столько и почерпнёшь, но главное всё равно получишь, ведь основания жизни едины и в простом, и в сложном. И сказка для детей, и психологический роман, и хороший детектив содержат определённые нравственные установки — общие для всей настоящей литературы. Запуская процессы осмысления реальности, она и читателя активно включает в этот процесс. Форма и жанр значения большого не имеют: главное — увлечь и заставить думать. И вот это — увлечь и заставить думать — хороший способ пробуждения спящей пассионарности.

Да, пассионарность имеет природную основу, но мы писали уже о том, что есть вполне работающие способы избавиться от неё, “канализировать”, как говорят психологи, в нужном направлении, и чаще всего в никуда. Есть и вполне работающие способы погашения пассионарности. В частности, это разрушение образования, “калибровка” сознания, настройка его на угадывание нужных ответов в различных тестах...

Типовое, стандартное сознание формируется путём исключения нюансов знания, да и самой возможности пройти путь к нему, то есть рассуждения. Долгое время не понимался истинный смысл натаскивания школьников на ЕГЭ (вместо усвоения реального знания), теперь всё более чем ясно: цифровое управление работает с определённым стандартом, с очень средними величинами, следовательно, чтобы сделать цифру всесильной, сознание нужно стандартизировать, калибровать. Нужно приучить выбирать свой ответ только из ответов, строго сформулированных для всех, при этом возможность проявления индивидуальности, поиск доселе не известных вариантов и другие ломающие цифровую систему ходы исключаются полностью.

Конечно, смешно искать доселе не известные варианты ответов на вопросы уровня ЕГЭ, но здесь ведь не просто информация, это способ социализации: формируется сама модель поведения, которая потом реализуется в жизни. Не ищи, для тебя уже всё заготовлено, нужно только выбрать. Кем заготовлено? Почему именно так? Для чего в конечном итоге? Но технология в самом начале обучения исключила саму возможность появления подобных вопросов.

Индивидуальность воспитывается творчеством, созданием того, чего не было ранее. Творческое начало есть в каждом человеке — в той или иной степени. Его можно погасить, но гасить придётся всё время, постоянно, поскольку оно является частью человеческой природы. Литература может и должна это начало возжечь. Но и возжигать его тоже нужно постоянно, поскольку среда будет целенаправленно стремиться погасить его или, на худой конец, скомпрометировать в глазах большинства.

Так что самое время масштабно объявлять Эпоху Литературы. И не только индивидуально-профессиональной, где создаются произведения, имеющие общественное значение, но и самодеятельно-массовой, ибо каждый человек, складывая слово к слову, строку к строке, в меру своего таланта создаёт тем

самым смысл, пусть крохотный, пусть недолговечный, пусть только для себя самого, но смысл, связывающий с миром и людьми особенно, индивидуально.

У нас официально нет идеологии, но это, может быть, и к лучшему, потому что идеология сужает поле смыслов до простейших, понятных массе, а литература обращается лично к каждому, к его инстинкту истины, пониманию справедливости, искреннему желанию понять эту жизнь и прожить её счастливо. Производя смыслы, литература напрямую противостоит энтропии. Конечно, она может не всё, но ей под силу главное: разбудить сущностные силы личности, сформировать индивидуальность и даже усилить пассионарность.

Не нами сказано, что литература – это наша русская наука о жизни. И если другие науки оказались в состоянии кризиса, то литература сейчас на подъёме, и использовать этот подъём нужно максимально, едва ли он случаен! Видов литературной деятельности множество – не только создание произведений, но и публикация, и критика, и исполнение, и обсуждение, и пропаганда, и сама творческая педагогика, воспитывающая человека-творца с самых малых лет... Просто чтение, наконец! Доступность его в бумажном варианте и цифровом формате: протяни руку к книжной полке, нажми кнопку компьютера...

Если посмотреть более-менее отстранённо на разворачивающийся кризис, то становится понятно, что по типу он вполне укладывается в глобальный алгоритм развития человечества по принципу “вызов – ответ”: всё новое приходит с избыточной агрессией, которая есть не что иное, как неупорядоченная, неструктурированная энергия, и вопрос только в том, как упорядочит эту энергию культура (и сможет ли она это сделать вообще). Логично, что ответ всегда следует после осознания серьёзности вызова, его глубины, сторон жизни, которые он затрагивает. Цифра не есть безусловное зло – она зло ровно настолько, насколько ей позволят Великое Среднее и поддерживаемые им пассионарии.

Вот это сейчас и происходит – осознание. Прежде всего – осознание самих себя: кто мы, зачем мы, что нужно нам? Здесь естественны и страх, и растерянность, и желание спрятаться – авось пронесёт, и безысходность: подчинимся, куда деваться... Но вызов уже брошен, дело за ответом. Литература, этот вызов – твой шанс!